

УДК 17 (091) (47) «1960/1973»+17.01 : 141.311.2

П. Курхинен, В. Ю. Перов

**Моральная философия О.Г. Дробницкого
и концепция этического социализма***

В статье проведен сравнительный анализ моральной философии О.Г. Дробницкого (1933–1973), которая определяется как «этический концептуализм», и существовавшего в рамках неокантианства теоретического направления «этический социализм». Обе эти концепции можно рассматривать как попытку создания этической теории марксизма.

The article presents comparative analysis of O.G. Drobnickij's (1933–1973) moral philosophy which is defined as “ethical conceptualism”, and the Neo-Kantian theory of “ethical socialism”. Both of these theories can be regarded as attempts to create the ethical theory of Marxism.

Ключевые слова: история этики, марксизм, советская этика, этический концептуализм, этический социализм, неокантианство.

Key words: history of ethics, Marxism, Soviet ethics, ethical conceptualism, ethical socialism, Neo-Kantianism.

В советский период этика как часть философии начала формироваться в качестве самостоятельной области только в 1960-е годы. Такая задержка в становлении теоретического этического знания была во многом обусловлена достаточно специфическим отношением к статусу морали в классическом марксизме. Мораль понималась как форма классовой идеологии, которая, как и любая другая идеология, должна отмереть в ходе исторического процесса. Существенную роль в отрицании этического содержания в марксизме сыграла и известная фраза В. И. Ленина: «Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что “в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики”»: в отношении теоретическом – “этическую точку зрения” он подчиняет “принципу причинности”; в отношении практическом – он сводит ее к классовой борьбе» [3, с. 440–441]. В рамках данной статьи нет возможности подробно рассмотреть вопрос о наличии или отсутствии этического содержания в философии классического марксизма. Можно лишь констати-

ровать, что обвинения в «безморальности» марксизма являются довольно распространенными, но это не означает, что они бесспорны. Тем не менее, попытки дополнить марксизм этикой предпринимались еще в конце XIX в., и наиболее ярким примером можно назвать концепции этического социализма, который развивался в рамках неокантианства. Основные теоретики данного направления (Г. Коген, П. Наторп, Э. Бернштейн, К. Форлендер и др.) пытались соединить социальную и политическую философию марксизма с этической концепцией И. Канта. Наиболее полно суть этического социализма была охарактеризована М. И. Туган-Барановским, видным представителем легального марксизма:

«Одним из различий новой теории социализма сравнительно со старой является новое философское обоснование ее. Марксизм частью не интересовался философией, частью довольствовался самой слабой из философских систем – материализмом. Новая теория социализма примыкает в философском отношении к Канту. Статьи Форлендера содействовали в Германии, быть может более всех других литературных произведений того же направления, выяснению истинного отношения философии Канта к теории социализма. Форлендер неопровержимо доказал, что единственно возможным этическим обоснованием социализма является кантовская идея самоцельности человеческой личности. Весь этический пафос социализма вытекает из этой идеи, которая сознательно или бессознательно предполагается каждым социалистом. С другой стороны, логическое развитие ее неизбежно приводит к социализму. А так как социализм не есть чисто теоретическое построение, но относится к практике общественной жизни и, следовательно, лежит в сфере этики, то названная идея должна быть признана центральной идеей социализма» [5, с. 78].

При этом под социализмом понималось не научное учение, претендующее на объективность, как в марксизме, а прежде всего мировоззренческая позиция. Теоретики этического социализма предлагали противопоставить либеральной идеологии не оторванную от жизни и формализованную политическую теорию, как это делали, например, ортодоксальные марксисты, а целостное мировоззрение. Они подчеркивали, что социализм нельзя сводить к чисто политической теории, так как противостояние социализма и либерализма носит более глубокий, этический смысл. «Замечу сначала, что под многозначным словом “социализм” я понимаю этическое мировоззрение, а не какую-либо политическую партию, с которой философское исследование не имеет ничего общего» [6, с. 5], – писал один из теоретиков этического социализма Форлендер.

Обращение к позиции этического социализма при рассмотрении проблем становления теоретической этики в советский период (при том, что сам этический социализм с точки зрения ортодоксального советского марксизма объявлялся ревизионизмом) обусловлено некоторой общностью исходных задач: дополнить философию марксизма этической составляющей. Особый интерес в данном контексте представляет этическая концепция О. Г. Дробницкого (1933–1973), которая может быть названа «этическим концептуализмом» и во многом имеет теоретические параллели со взглядами этических социалистов.

В качестве «точки отсчета» предлагается сформулировать следующую риторический вопрос: чего в конечном счете стремился добиться Маркс с помощью своей философской доктрины? Эту «сверхзадачу» можно суммировать в требовании *эмансипации человека*. Философское и политико-экономическое развитие мысли Маркса движется под знаком различия между действительным, но недостаточным буржуазным освобождением и истинно человеческим освобождением, которое еще только должно осуществиться. «Как ранний, так и поздний Маркс видел революцию как что-то большее, чем просто захват политической власти определенным классом или партией; эта революция должна была привести (как он говорит во “Введении в Критику политической экономии” (1857–1858) к абсолютной власти человека над силами природы; как над так называемой (естественной) природой, так и над его собственной природой». Ее целью было «целостное развитие всех созидательных способностей» человека и прогресс всех человеческих сил «как цели самой по себе»¹. [7, p. 204]. Историческое развитие, в том числе через классовую борьбу и пролетарскую революцию, согласно К. Марксу, должно было привести к полному развитию всех производственных сил, к реинтеграции отчужденных и угнетенных неотъемлемых сил человека в результате их полного обновления.

Не останавливаясь подробно на теории К. Маркса, следует отметить, что способ мышления, использованный не столько им самим, сколько сторонниками советского варианта марксизма, исключает не только моральный долг, основанный на нравственных законах человеческой природы, но и моральную добродетель как чисто личностное качество. Нравственность с точки зрения диалектического и исторического материализма сводится к когнитивной форме сознания, которая служит для выражения соответствующего

¹ Здесь и далее перевод с англ. П. Курхинена.

ей уровня развития социальных противоречий. В результате ставилась под сомнение и такая моральная критика общественных отношений (в том числе и буржуазных), которая не была представлена как основанная на научном познании, – она объявлялась пустым и абстрактным морализаторством.

В связи с этим одним из существенных в концепции О. Г. Дробницкого оказывался вопрос о том, каким образом общественные отношения могут быть подвергнуты моральной критике, даже если под критикой понимать марксистский анализ¹. Для Маркса юридические, моральные и философские понятия суть формы сознательного выражения господствующих идеологий, характерных для исторически определенных способов производства материальной жизни общества. В этом смысле морально-критический анализ был бы возможен только при наличии критерия, превосходящего существующую социальную действительность. По мнению некоторых зарубежных исследователей философии советского периода, в области моральной философии заслуга поиска этого критерия принадлежит именно Дробницкому. «Первая попытка решения этой проблемы Дробницким в концепте “революционной практики” приводит его к утверждению *независимости* нравственного долга от любого *индивидуального* человеческого авторитета. На это понимание сущей необходимости этического императива по отношению к человеческому законодательству, вероятнее всего, повлияла моральная философия Канта» [7, р. 213]. Эти идеи были впервые высказаны Дробницким в 1968 г. и развиты в 1971–1972 гг.: «Каждый раз нравственное суждение, выраженное от имени некоего социального авторитета (или против него самого), действительно авторитетное основание этого, оказывается более отдаленным предметом, который превышает пределы судящего человека, группы, класса или даже общества, существующего в то время» [7, р. 211]. Превосходящий характер этого основания в человечестве отличает этический императив от обязательных установок закона и политики, связующая сила которой возвращается к некоторым социальным или институциональным субъектам, а также имеет связь с традициями и константами в психологии. Таким образом, этический императив не может быть сведен, как в общепринятом мнении многих ортодоксальных марксистских идеологов, к коллективной силе общественных потребностей и общественного мнения. Напротив, за-

¹ См., например, подзаголовок «К критике политической экономии» главного труда Маркса «Капитал».

мечает Дробницкий, само это общественное мнение должно выдержать испытание нравственностью, поскольку последняя имеет объективный характер. «Поэтому кто-либо может быть прав даже тогда, когда кто-то нарушает общепризнанные нормы, и можно быть виновным, даже если учитывать диктатуру существующего порядка» [7, p. 213].

Не вызывает сомнений, что доминирующей тенденцией советских философов была попытка найти прагматические предпосылки обоснования коммунистической этической доктрины. Но при этом упрощенно-функциональное понимание морали не соответствовало претензии на высокий интеллектуальный уровень как в теоретическом, так и в политическом плане. В связи с этим возникла потребность обоснования самооценности морали, которая не выступала бы чистой функцией, что характерно для крайних форм социологического редукционизма. И для решения этой задачи многие советские этики, в том числе и Дробницкий, пытаются сформулировать новое понимание морали, обращаясь (пусть и в критической форме) и к зарубежной, прежде всего, западной традиции моральной философии, пытаясь создать некую синтетическую концепцию морали. Можно согласиться с В.Н. Назаровым, полагающим, что «высшим достижением этого периода бесспорно является работа Дробницкого “Понятие морали” (1974), давшая образец системного историко-логического обоснования предмета этики на основе истории этической мысли и современной зарубежной этики, рассматриваемой в умеренно-критическом свете. Авторскую позицию Дробницкого можно обозначить в целом термином “этический концептуализм” в исконном религиозно-метафизическом смысле¹ этого слова. В теории Дробницкого понятие морали не совпадает с фактической моралью в силу многозначности смысловых значений последней. В связи с этим он обосновывает своего рода “концепт” морали как общую метасмысловую ее основу, позволяющую схватывать ее реальные значения. Идея концептуализма просматривается уже в его ранней работе “Мир оживших предметов” (1967), в которой раскрывается ценностно-понятийная природа вещи как условие объективности ее бытия. Своей высшей точки эта идея достигает в “Понятии

¹ В данном случае не вполне понятно, что имел в виду В. Н. Назаров, говоря об «исконном религиозно-метафизическом» смысле этического концептуализма применительно к взглядам Дробницкого. С этим утверждением можно согласиться лишь в том случае, если предположить, что речь идет только об исторических истоках возникновения концептуализма как попытки «объединить» номинализм и реализм в рамках средневекового «спора об универсалиях».

морали” (1974), где мораль предстает как идеальный случай единства универсалии и конкретного поступка. Однако объективный язык самой морали не может быть адекватно выражен в словах-знаках, что порождает многозначность понимания морали. Исследование Дробницкого вплотную подходит к той черте, при которой сущность морали раскрывается не на уровне понятия, а на уровне “концепта”, т. е. “схватывания” конкретного содержания морального явления в непосредственном единстве с его общим смыслом» [4, с. 891].

Именно «схватывание» определило позицию Дробницкого: он начал исследование морали не только как превращенной формы общественного сознания, но и с точки зрения способов ее существования в реальности. При этом в стремлении этически обогатить марксизм посредством обращения к кантианству, аналитической философии, экзистенциализму и т. д. он приходит к исследованию индивидуальной нравственности. В силу этого его позиция оказывается близка позиции этического социализма, который провозглашает свободу личности именно в моральном, нравственном и внутреннем плане, а не только внешнем, социально-значимом, как у ортодоксальных марксистов. Тот факт, что советская философская мысль (по крайней мере, начиная с 1960-х гг.) подчинялась советской идеологии, совсем не означает, что она была полностью догматической и в теоретическом плане существенно отставала от зарубежной этики [2]. Более того, следует констатировать, что сама идеологическая ангажированность (правда, это не относится к случаям тотального господства идеологии над нравственностью и этикой) есть необходимая составляющая любой социальной, в том числе и этической, теории. Если аналитическая философия, претендуя на научную беспристрастность, преимущественно отстаивала позиции дескриптивизма, отрицая саму возможность создания нормативной этики, призванной влиять на поведение людей, то советская философия призывала к «конструированию» социальной действительности, пыталась проводить изменения в действительной жизни, хотя и не всегда удачно. В советской философии прямо заявляли о принципе «партийности», тогда как аналитическая объявляла себя «нейтральной», но при этом и она, по сути, выражала принципы буржуазного мировоззрения и соответствующей идеологии.

Сознательное обращение к участию в нормативном конструировании социальной реальности в моральной философии Дробницкого и многих других советских философов было среди прочего и проявлением исторической традиции этического

знания. Еще Аристотель отмечал, что сколько бы мы ни созерцали и ни изучали философию, одной из ее главнейших функций является пропедевтическая и терапевтическая, и в этом смысле целью философии является научение человека жизни в том обществе, в котором он живет, иначе вся философия бесполезна. Всеобщая польза, благо, справедливое общество были одними из главных декларируемых целей советского общества, и философия должна была пропагандировать приоритет общественного над индивидуальным, личным. Дробницкий в этическом плане не противопоставляет общество и индивида – они дополняют друг друга. При этом приоритет во многом остается за человеком, поскольку моральный выбор все же носит индивидуальный и личностный характер, и ни власть, ни историческая необходимость не в состоянии принудить человека сделать его в каждом отдельном случае – в этом состоит некий экзистенциальный выбор каждого.

В данном контексте особую актуальность приобретает специфический ракурс проблемы сущего-должного. В самом деле, как быть с антитезой должного и сущего, если логика материалистического взгляда на общество требует должное выводить из сущего? Как объяснить универсальность моральных форм, если логика классового подхода к общественным противоречиям требует видеть в любой разновидности всеобщности проявление иллюзии обыденного или классового сознания? Как совместить автономию морали с приматом материальных, т. е. экономических, отношений? Наконец, как объяснить свободу человека наряду с его статусно-функциональной определенностью как социального индивида? Методологически сформулированная Д. Юмом и восходящая к аристотелевскому разделению созерцательной / теоретической и практической / моральной философии проблема была концептуально разработана Кантом (правда, в специфическом отношении и терминологии). Это нашло отражение в его тезисе о том, что сущность морали состоит не в содержании, не в материи поступка, т. е. не в том, что, собственно, человек совершает и к каким целям стремится, а в том, какой нормой руководствуется при совершении поступка, т. е. – в ее форме. В этическом ракурсе этот вопрос специально и в различных контекстах рассматривал Дробницкий, в том числе и в плане возможности морально-критического отношения к социальной действительности. Правда, по мнению исследователей творчества Дробницкого, его оценку индивидуальной самостоятельности не следует абсолютизировать: в русле общей тенденции советской историко-материалистической парадигмы, даже будучи индивиду-

ально самостоятельным, моральным субъектом, человек рассматривался им по преимуществу как член определенного социума. Акцентирование внимания на самостоятельности, на активной жизненной позиции человека было характерно не только для этики, но и для остальных областей советской философии начиная с 1960-х годов: «Выделенные признаки морали как системы требований встречаются в описаниях, предлагаемых разными авторами по отношению к науке и научному знанию, к художественному творчеству, вообще индивидуально-неподражательному образу жизни. Строго говоря, нельзя провести четкой границы между “человеком творчества” и “человеком морали” по тем критериям, которые были выделены Дробницким. Антитеза должного и сущего характеризует бытие человека в культуре, как и любую идеал-полагающую деятельность. Автономия, самодетерминация, свобода – свойства личности, причем если брать эти свойства в определенности, предложенной Дробницким, личности как члена гражданского общества (проблема внутренней свободы в этом описании отступила на второй план). Идеальность отличает санкцию в морали от санкций, присущих регулятивам иного рода, но если обратиться к столь разным феноменам общественной жизни, как искусство, идеология, общественное мнение, мы увидим здесь тот же самый идеальный характер воздействия на индивида» [1, с. 40].

Все же предпринятый Дробницким синтез существенно ослабил, по крайней мере на уровне теории, тезис о безусловном классовом (т. е. социологически определенном) характере морали, переместив акцент на личностные характеристики морального субъекта. Подводя итог, следует сказать, что, хотя этические социалисты и так называемые представители «этического концептуализма» исходили из разных позиций, с точки зрения общих результатов они оказались во многом схожи. Этические социалисты разрабатывали свою социальную и этическую теорию на базе кантианства, критикуя с этой точки зрения некоторые положения марксистской философии, а этический концептуализм исходил из «предзаданности» марксизма, но в итоге во многом «вернулся» к кантианству (по крайней мере, в философии Дробницкого). Оба эти направления искали обоснование для свободы личности в социальной действительности, которую надо менять, или, исходя из идеи превосходства советского социалистического строя, обосновывать необходимые изменения и совершенствования внутри него. В этическом социализме человек, следуя идеям Канта и упрощенной формуле категорического императива, «является целью самой по себе»; в

марксизме, вернее, в радикальной форме советского ортодоксального марксизма человек теряет свои позиции, размываясь в понятиях «цели истории», «всеобщая цель общества», «светлое будущее» и т. п., в идее о том, что экономическая составляющая полностью определяет социальное и личное бытие. В этическом концептуализме Дробницкого высказывается мысль о самостоятельности индивида и о возможности его критического отношения к социальной действительности, несмотря на важность роли общества в индивидуальном нравственном развитии. В силу этого, как и в этическом социализме, даже научно обоснованная историческая необходимость должна пройти проверку нравственностью. Было бы неправильно утверждать, что советские этики, в том числе и Дробницкий, пришли к такому радикальному выводу, но их обращение к этическому содержанию марксизма демонстрирует движение в этом направлении. И обращение к исторической практике продемонстрировало, что никакие диктатуры, исторически оправданный террор, «усиление классовой борьбы по мере продвижения к социализму» и т. д. не могут привести к подлинной эмансипации человека. В рамках этих идей человек рассматривается исключительно как средство без всякой попытки отношения к человеку как цели самой по себе.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995.
2. Бондаренко Л.И., Перов В.Ю. Теоретическая этика в СССР (1960–1980-е гг.) // Дискурсы этики. Альманах / под ред. В.Ю. Перова. – 2012. – Вып. 1.
3. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. – С. 347–534.
4. Назаров В.Н. Советская этика. Общая характеристика (60–80-е годы) // История этических учений / под ред. А.А. Гусейнова. – М., 2003.
5. Туган-Барановский М. И. Марксизм и народничество // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему: сб. социально-философ. произвед. – М., 1996.
6. Форлендер К. Кант и социализм. – М., 1906.
7. Ehlen P. Emancipation Through Morality: New Paths of Ethical Thought in the Soviet Union. *Studies in Soviet Thought*. – 1973. – № 13. – Issue 3-4.